

DOI: 10.33184/dokbsu-2025.1.12

Влияние экстралингвистических факторов на концептуальную специфику лингвокультуры

Н. Н. Альбеков^{1*}, П. Р. Ибрагимова²

¹Чеченский государственный педагогический университет
Россия, Чеченская Республика, 364068 г. Грозный, пр-т Х. Исаева, 62.

²Чеченский государственный университет им. А-Х. Кадырова
Россия, Чеченская Республика, 364024 г. Грозный, ул. А. Шерипова, 32.

*Email: alibecus@mail.ru

Статья посвящена проблеме влияния экстралингвистических факторов на лингвокультуру народа. В работе дается краткий анализ понятию «лингвокультура», а также понятию «концепт», который считается одним из наиболее ярких элементов выражения специфики лингвокультуры. В лингвокультуре определяется уникальная, присущая только данному языку оригинальность культурных концептов. Вместе с тем немаловажным, а порою и ключевым фактором лингвокультурной специфики в контексте восприятия и интерпретации концепта может быть именно экстралингвистический фактор. Влияние экстралингвистических факторов на специфику лингвокультуры может быть мотивировано на основе исторической, культурологической, религиозной, географической и т.д. действительности, ввиду того что в концепте как в феномене многомерного содержания, в т.ч. и ментального характера, аккумулируются результаты освоения человеком реального мира, окружающей действительности. Именно поэтому каждая языковая картина мира уникальна и неповторима. В ней аккумулированы тысячелетние практики, наблюдения, взаимоотношения внутри социума, начиная от внутрисемейных взаимоотношений и заканчивая общенародными узами, отношение к окружающей действительности, метафизические образы и т.д.

Ключевые слова: экстралингвистический фактор, лингвокультура, культурный концепт, языковая картина мира.

Введение

Язык является наиболее значимым компонентом в системе обозначения, определения и организации культуры народа. По мнению абсолютного большинства исследователей различных культур, социальных явлений, именно язык является самым значимым элементом в процессе идентификации уникальности социальной единицы общества. Средствами языка ярче всего проявляются и дифференцируется культуры, народы, а также их мировоззрение и ментальность. Обозначаются те концептуальные ценности, которые каждый из этих народов взяли за основу собственной аксиологической

картины мира. Соответственно, те концепты, через которые отражается аксиологическая картина мира того или иного народа, является наиболее информативной базой в процессе лингвокультурного анализа языковой картины мира в целом.

Формулирование проблемы

Исследования, в которых анализируются влияния экстралингвистических факторов на понятие «лингвокультура», недостаточно широко представлены в когнитивной лингвистике. Вместе с тем в научном дискурсе насчитывается много определений термина «концепт» как основы специфики той или иной лингвокультуры. В частности, концептом обозначается термин, «служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека». Относительно природы концепта предполагается, что «для образования концептуальной системы необходимо предположить существование некоторых исходных, или первичных концептов» [1].

Исследование вопроса

Вне всякого сомнения, такой многозначный термин как «концепт» не может иметь единообразную трактовку. Соответственно, определения, представляющие разные интерпретации понятия «концепт», широко варьируются. Проблемами концепта занимались и занимаются такие исследователи, как Н. Д. Арутюнова (1993), Е. С. Кубрякова (1997), А. Бабушкин (1996), А. Вежбицкая (1999), Степанов (1997), Ляпин (1997), Нерознак (1998), В. И. Карасик (2007), И. А. Стернин (2007), С. А. Песина (2014), К. А. Мухина (2014) и многие другие.

Если вкратце обобщить основную идею, которая проскальзывает практически во всех работах, посвященных исследованию феномена концепта в разных лингвокультурах, то на первый план можно выдвинуть определение, где *концепт* обозначается как некое «языковое выражение», в котором закреплена общественная память как след «отражения действительности в сознании носителей языка в результате постижения (или создания) ими духовных ценностей отечественной и мировой культуры» [2].

Так, Н. М. Сергеева отмечает, что «концепт — это основная единица ментальности, которая имеет языковую форму вербальности, национальную специфику и структуру, которая содержит концептуальные признаки, функционально значимые для соответствующей культуры» [3].

Относительно природы появления концепта в культуре или лингвокультуре народа, то здесь наиболее интересным наблюдением, на наш взгляд, является мнение С. А. Песиной, которая полагает, что в основе зарождения концепта всегда присутствует определенное слово, в котором аккумулируются разные понятия, обозначающие обобщенную семантику, различные значения, где инвариантом выступает сигнификант опре-

деленной лексической единицы, имеющей культурологическую коннотацию с определенным этносом. Это означает, что концепт появляется на основе какого-то явления, понятия, ситуации, которая предшествует появлению обобщающего понятия.

Вместе с тем, важным здесь является наличие в языке определенного слова, которое становится основой возникновения нового понятия, т.е. «концепт возникает как результат усвоения слова» [4].

Исходя из выше сказанного, можно предположить, что в концепте как в феномене многомерного содержания, в том числе и ментального характера, аккумулируются результаты освоения человеком реального мира, окружающей действительности. Всемирная концептуализация этой действительности, которая главным образом основывается на ее восприятии и интерпретации, приводит к формированию культурно ориентированных понятий, отражающих представления и идеи определенного этноса относительно окружающей действительности, фиксирующиеся в конкретных понятиях. Соответственно, в концепте отражаются мировоззренческие фрагменты аксиологической картины мира, выраженные в конкретных единицах речи. И в этом контексте мы можем согласиться с мнением Н. А. Красавского, что «концепт есть понятие, погруженное в конкретный лингвокультурный контекст ...» [5].

Необходимо отметить, что практически все исследователи подчеркивают, что содержание концепта шире значения, поскольку концепты сохраняют свою структуру, не теряют включенные в эту структуру признаки на всем протяжении истории народа.

В лингвокогнитологии понятие «концепт» имеет множество определений. В частности, Е. С. Кубрякова считает, что термин *концепт* служит «объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [6].

Это означает, что концепт выступает в качестве инструмента и продукта в процессе структурирования всевозможных смысловых единиц, которые могут быть выражены в форме «фреймов, сценариев, схем, узлов в семантической сети и пр.» [7].

Важнейшим ресурсом и средством формирования смысловых единиц является естественный язык. В этом контексте абсолютно права А. Вежбицкая, которая отмечает, что «мы можем добраться до мысли только через слова (никто еще пока не изобрел другого способа)» [8].

Соответственно, смысловая единица, которая вербализована в речевых единицах в виде определенного концепта, представляет собой также и культурную единицу, которая отражает восприятие и специфику мировоззрения данного народа, тем самым

приобретая сугубо лингвокультурную парадигму, т.к. специфика значений лингвокультурного концепта основывается на уникальности мировоззренческой ментальности народа. В этом контексте правы Э. Сепир и Б. Уорф, когда они заявляют, что «люди, говорящие на разных языках, думают по-разному, и это происходит из-за различий в их языках» [9].

Это предположение позволяет делать выводы, что именно в языке этноса проявляются все уникальные особенности тех ценностных образов, которые характеризуют народ, его культуру и мировоззрение.

Мы полагаем, что понятие *лингвокультура* главным образом основывается на трихотомии *язык – познание – культура*. Лингвокультура – это словесно-понятийные образы, посредством которых отражается народное восприятие окружающей действительности, духовные ценности, культура повествования, тональность, мимика и многие другие формы вербальной оригинальности, отражающие уникальность интерпретации этносом картины мира [10].

Общеизвестно, что лингвокультурная специфика ярче всего отражается в идиомах, фразеологических единицах, пословицах, метафорах, сравнениях и т.д. На наш взгляд, в этот список можно смело добавить и фольклорные произведения в виде эпоса, сказок, юмора, легенд, мифов и т.д. Немаловажным фактором, определяющим специфику лингвокультуры, может быть и манера устной культуры речи, ее тональность, форма и культура повествования, в которых очень ярко проявляется сама ментальность народа.

Методы исследования

В процессе настоящего исследования были использованы методы лингвистической абстракции, концептуального и сопоставительного анализа, контент анализа.

Результаты исследования

Безусловно, один из ключевых ресурсов, в котором наиболее насыщенно выражается лингвокультура – это концепт. В концепте вербализуются те смыслы, которые встречаются только в данной лингвокультуре. Это означает, что при буквальном переводе этих смыслов на другие языки, на другую лингвокультуру они не только теряют свое значение, но и могут иметь совершенно противоположное, а порою и уничижительное значение.

Немаловажным, а порою и ключевым фактором лингвокультурной специфики значения концепта может быть именно экстралингвистический фактор. Наглядным примером такого характера проявления лингвокультурной специфики может быть похвальное выражение на чеченском языке «*ма ка бухьо*», которое имеет значение «ну ты мужик», «ну ты самец» и т.д. Связь с лингвокультурой такого значения на чеченском

языке основывается на тотемной сущности КА (барана-самца) в чеченской культуре, да и не только в чеченской. Во многих культурах древности баран-самец отражен в пиктографии как символ мужества, стойкости, мужского начала, здоровья, силы и т.д.

Э. Сепир замечает, что «простого факта существования какого-либо вида животных в физическом окружении того или иного народа недостаточно для возникновения обозначающего это животное языкового символа. Для этого нужно, чтобы члены данной общности хорошо знали это животное, и чтобы они испытывали к нему хоть некоторый интерес» [11].

Вне всякого сомнения, фактор внедрения данного символа в чеченскую лингвокультуру связан с культурологической и исторической идентичностью современной чеченской культуры с древнейшими культурами Передней Азии, в частности с Хуррито-Урартской культурой. Соответственно, этот символ сохранился в чеченской лингвокультуре в виде сравнительного объекта мужества, стойкости, здоровья.

Однако, если перевести это выражение на русский язык: «ты настоящий баран», мы получим совершенно иное значение, уничижительного характера. В переводном варианте выражение получает смысл: «ты настоящий дурак», «вот ты тупой» и т.п.

Этот пример показывает специфику значений одного и того же слова, речевой единицы, которая в своем историческом развитии приобрела статус определенного концепта в разных лингвокультурах, в разных интерпретациях, в разных образах. Именно такие концептуальные для данной культуры символы, можно сказать даже культурные символы и образы, которые возникают в языке, определяют уникальность каждой лингвокультуры.

В лингвокультуре определяется уникальная, присущая только данному языку оригинальность сущностных концептов. Под сущностными концептами подразумеваются те инвариантные понятия, в которых выражается основная идея, образ, смысл слова, выражения или паремической единицы. Лингвокультурность концепта заключается в его ментальной ориентированности. Именно поэтому каждая языковая картина мира уникальна и неповторима. В ней аккумулированы тысячелетние практики, наблюдения, взаимоотношения внутри социума, начиная от семейных и заканчивая общенародными узами, отношение к окружающей действительности, метафизические образы и т.д. Соответственно, когда речь идет о лингвокультуре, мы должны понимать, что в процессе формирования специфики этой лингвокультуры участвуют не только языковые, но также и экстралингвистические факторы.

В контексте влияния экстралингвистических факторов на формирование специфики лингвокультуры необходимо отметить, что в каждом языке они приобретают свою,

неповторимую интерпретацию, символизм и многие другие аспекты восприятия и отношения. В этом контексте любопытно размышление старика относительно отношения к морю у разных людей, народов.

“He always thought of the sea as *la mar* which is what people call her in Spanish when they love her”.

Восприятие моря в виде феномена женского начала и определение его местоимением женского рода *she, her* является лингвокультурным показателем, сформировавшимся на экстралингвистической основе. В грамматической структуре английского языка местоимения *she, her* являются показателями женского рода. Однако слово море – это исключение из правил. Оно обозначается приведенными выше местоимениями. Соответственно, сам факт исключения из правил указывает на особое акцентирование внимания на этом предмете или явлении в данной лингвокультуре. Предмет (или явление), который имеет культурологическую значимость для народа и который может иметь также и символическую основу, всегда сопровождается особым, либо возвышающим, либо принижающим, восприятием и интерпретацией в культуре народа, что в свою очередь отражается на лингвокультуре в целом. Отношение к морю как к кормилице, которая может быть как ласковой и тихой, так и буйной, а порою и опасной, в латинской и английской культурах выражается в женском роде слова «море».

Специфическое восприятие одного и того же, номинация в разных культурах, основанная на экстралингвистических факторах, хорошо просматривается в следующем отрывке повести Э. Хемингуэя “The old man and the sea” и его переводах на разные языки.

–*Can I offer you a beer on the Terrace and then we'll take the stuff home.*

–*Why not?” the old man said. “Between fishermen”* [15].

– *Хочешь, я угощу тебя пивом на Террасе? А потом мы отнесем домой снасти.*

– *Ну что ж, – сказал старик. – Ежели рыбак подносит рыбаку ...* [16].

Переводчики Е. Голышева и Б. Изакова в своем варианте привели вот такой вариант перевода «*Ежели рыбак подносит рыбаку*» выражения “*Between fishermen*”. Это не означает, что перевод неверный. Здесь художественный перевод и авторы имеют право приводить свой вариант исходя из личного восприятия текста оригинала.

Вместе с тем, мы знаем, что в русском языке широко применяется выражение «*между нами, рыбаками*», которое абсолютно идентично оригиналу. Соответственно, мы можем сказать, что в данной ситуации, т.е. при переводе этого выражения на русский язык не проявляется какая-либо лингвокультурная специфичность. Отсутствие этой специфичности основано именно на экстралингвистическом факторе, т.к. эти народы проживают на территории, которая имеет обширные границы морского побережья.

В обоих языках слово «рыбак» является основой фразеологических единиц, пословиц и других речевых конструкций, отражающих профессию, некое «братство», социальную принадлежность. В этом контексте важно подчеркнуть, что язык народа отражает условия, будь то географические, климатические или другие, в которых данный народ проживает.

Однако если перевести этот отрывок на чеченский язык, то его значение будет концептуально отличаться от выше приведенных вариантов.

– *Ас жиммал хьошалла дан мегар дарий хьуна йий а эсна кху терраси тIехь са а долуш, тIакха хIуманаш дIахьур яра вайшимма?*

– *ХIунда дацара? – элира вокххачу стага. – Вайна, кIенташна юкьахь* [17].

Если рассмотреть географическое расположение территории проживания чеченского народа, то мы обнаружим, что она не располагает границами, выходящими на побережья. Более того, на территории чеченской земли нет также и больших рек и озер, в которых практикуется морская или речная навигация. Этот сугубо экстралингвистический фактор способствовал тому, что в чеченской лексике слово «чIаралацархо» (рыбак) не приобрело широкую семантику, оно не входит в состав наиболее активной лексики, не стало основой возникновения идиом, фразеологических единиц, пословиц или поговорок, т.е. не стало основой тех речевых единиц, которые являются основой лингвокультуры. В чеченском языке слово «чIаралацархо» имеет семантику рыбака любителя, т.е. человека, который увлекается этим занятием для отдыха, не имея конкретной цели добыть рыбу для пропитания или продажи. Лексема *чIаралацархо* не приобрела значение, передающее название конкретной профессии или ремесла. Отсутствие всех вышеобозначенных признаков и потенциала у данной лексемы в чеченском языке обосновано именно на экстралингвистическом факторе.

Соответственно, при переводе этого отрывка на чеченский язык автор, для сохранения семантической и стилистической идентичности текста оригинала, употребил выражение (*Вайна, кIенташна юкьахь* – букв. «Нами, парнями между», т.е. «между нами, мужиками»). Если автор перевода на чеченский язык употребил бы слово «чIаралацархо», то перевод приобрел бы некий юмористический, иронический эффект, который отсутствует в тексте оригинала.

Экстралингвистические факторы иногда могут играть решающее значение в невозможности идентично передавать смысл текста на другие языки. Если в традициях, обычаях, религии этого народа отсутствует практика применения данных атрибутов в повседневной жизни, то тексты, в которых обозначены эти факторы, невозможно перевести на другие языки, что является еще одним доказательством уникальности лингвокультуры как таковой. Наглядным примером такого характера идентичности лингвокультуры является название рассказа «*Кху чуьра и кIант*» (буквальный перевод –

из этого (моего) дома тот парень) чеченского автора М. Бексултанова, которое невозможно перевести на какой-либо другой язык. Смысловый перевод названия данного рассказа на русском языке будет «Мой сын».

В чеченской традиции при разговоре с кем-либо существует негласный запрет на называние детей и жены по имени. Это воспринимается как слабость, кичливость, недостойное для мужчины поведение. Соответственно, когда мужчине необходимо упомянуть своих детей, они говорят – *кху чуьра и клант или кху чуьра и йо! (о дочери)*. Это устоявшееся выражение, которое имеет очень широкое применение в речи в той или иной форме. Именно из-за своей культурологической обоснованности, атрибутики и устойчивости, это выражение приобрело ранг лингвокультурной единицы.

В основе формирования лингвокультурной компетенции этого выражения стоит традиция чеченцев игнорирования своих детей в присутствии старших или посторонних лиц из круга знакомств (родственников, односельчан, соплеменников и т.д.). Эта традиция отразилась в речевой культуре и, соответственно, приобрела лингвокультурную компетенцию. Однако в основе этой лингвокультурной компетенции стоит именно экстралингвистический фактор.

Вместе с тем многие исследователи воспринимают лингвокультуру как проявление менталитета и ментальности народа ввиду того, что «наиболее последовательным и убедительным представляется отнесение лингвокультурных концептов к числу единиц ментальности/менталитета – категорий, через которые описывается национальный (этнический) характер» [12–14].

Необходимо отметить, что понятие «лингвокультура» не ограничивается сугубо этническим уровнем. Лингвокультурный аспект может быть отражен и в языках народов, которые имеют общие наднациональные культурные аспекты, например, общую религию. Религия – это культура, которая объединяет, унифицирует многочисленные народы, которые по сути принадлежат совершенно разным лингвистическим группам, семьям. Вместе с тем все они объединены единой традицией ритуалов, философии, догм и мировоззрения, присущей данной религии. Эта обобщенность отражается на языке этих народов, адаптирует и ассимилирует лексические единицы в общую семантику, интерпретации, соответственно, формируя общую лингвокультуру.

Исключительно интересным, на наш взгляд, текстом, в котором отражается такая обобщенная лингвокультура, возникшая на основе экстралингвистического фактора, является произведение Томаса Мура “Those evening bells”.

Those evening bells! Those evening bells!
How many a tale their music tells,
Of youth, and home, and those sweet time,
When last I heard their soothing chime [18].

Значение экстралингвистического фактора заключается в интерпретации речевой ситуации, которая заключается в необходимости отражения христианского ритуала колокольного звона, т.е. христианская религия здесь является значимым условием идентичного перевода текста.

Если перевести это произведение на русский язык или на язык любого народа, исповедующего христианство, то в тексте не будет искажения культурологического характера. Ключевой ритуал христианства – звон колоколов, он традиционен для всех народов, исповедующих христианство и, соответственно, в языке этих народов присутствуют лексические единицы, выражающие это действие.

Например, текст перевода И. Козлова «Вечерний звон»:

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом,
И как я, с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз! [19].

Считается, что мотивом сочинения данного произведения для Томаса Мура послужил вечерний звон церковных колоколов Санкт-Петербурга. Это означает, что христианский религиозный ритуал или служение лежит в основе идейно-эмоционального содержания произведения.

Идентичный перевод данного произведения на языки народов, которые не исповедуют христианство, скажем на языки исламской культуры, представляется невозможным или очень проблематичным. Безусловно, практически во всех языках присутствует слово *звон*, *звенеть*, *звонок* и т.д. Однако дело именно в том, что в языках этих народов в семантике этого слова нет значения церковного *звона* как религиозного ритуала, традиции.

Например, в исламской религии нет ритуала колокольного звона. Соответственно, самую первую строку произведения «Those evening bells! Those evening bells», которая закладывает основу эмоциональной насыщенности, невозможно перевести с идентичным настроением на языки исламской культуры, т.к. если мы переведем эту строку, при этом адаптируя действие под традиционный для мусульман религиозный ритуал *азан* (призыв муллы на молитву), т.е. если мы скажем, «*Вечерний азан, вечерний азан*», то обнаружим концептуальную разницу между оригиналом и переводным вариантом. Соответственно, экстралингвистический фактор является в данном случае одной из главных причин лингвокультурной специфики.

Вместе с тем, просмотрев перевод на язык народа, который исповедует ислам (на чеченский язык), при этом сохраняя слов *звон*, мы обнаружили некий абсурд, который появляется в связи отсутствием вышеобозначенной коннотации. Вечерний звон – на чеченский переводится как *суйренан зов*.

Суйренан зов, суйренан зов,
Ма дукха ойла йойту цо.
Сан къона хан цо йоху керла
Со вина цла, сан къона безам.
Тлаьхъара ас лодика йеш,
ЛадегIна и генара зов [20].

В приведенном отрывке варианта перевода на чеченский язык выражение *суйренан зов, суйренан зов* имеет значение *звон в ушах, который возник от всяких мыслей о прошедшем*.

Приведенный пример указывает на концептуальную разницу между вариантами перевода, которая принципиально дифференцирует лингвокультуры на основе экстралингвистического фактора.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать выводы:

- Лингвокультура – это словесно-понятийные образы, посредством которых отражается народное восприятие окружающей действительности, духовные ценности, культура повествования, тональность, мимика и многие другие формы вербальной оригинальности, отражающие уникальность интерпретации этносом картины мира.
- В лингвокультуре ярче всего проявляются и дифференцируются культуры народов, а также их мировоззрение и ментальность.
- Понятие «лингвокультура» не ограничивается сугубо этническим уровнем. Лингвокультурный аспект может быть отражен и в языках народов, которые имеют общие наднациональные культурные аспекты, например, общую религию.
- В процессе формирования специфики лингвокультуры участвуют не только языковые, но также и экстралингвистические факторы.
- Одним из важнейших факторов формирования лингвокультурной специфики, интерпретации или значения концепта может быть экстралингвистический фактор.
- Экстралингвистические факторы иногда имеют ключевое значение в невозможности или проблематичности идентично передать смысл текста на другие языки.

Литература

1. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Лузина Л. Г., Панкрац Ю. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. 245 с.
2. Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века. СПб: Златоуст, 2001. 72 с.
3. Сергеева Н. М. Антология концепта / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. М.: Гнозис, 2007 г. 210 с.
4. Песина С. А., Мухина К. А. Формирование концепта как кванта структурированного знания // Актуальные вопросы науки и техники. 2014. С. 397–399.
5. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. Волгоград: Перемена, 2001. 495 с.
6. Кубрякова Е. С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1997. Т. 56. №3. С. 22–31.
7. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996.
8. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
9. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ. М., 1993. 656 с.
10. Альбеков Н. Н. Лингвокультурологический феномен прозы М.-С. Гадаева // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2017. №4(37). С. 100–105. EDN ZFSEPN.
11. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 270–284.
12. Бастриков А. В., Бастрикова Е. М. Лингвокультурные концепты как основа языкового менталитета // Филология и культура. Philology and culture. 2012. №3(29).
13. Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
14. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 624 с.
15. Hemingway E. The old man and the sea. Moscow: Progress publishers, 1967.
16. Хемингуэй Э. Старик и море / пер. Е. Гольшевой и Б. Изакова М.: АСТ, 2008.
17. Хемингуэй Э. Воккха стаг а, хлорд / пер. Н. Н. Альбекова. Грозный: Грозненский рабочий, 2013.
18. Thomas Moor. Those evening bells. URL: <http://eng-poetry.ru/PoemE.php?PoemId=1877>
19. Томас Мур. Вечерний звон / пер. И. И. Козловски. URL: <http://eng-poetry.ru/PoemE.php?PoemId=1877>
20. Томас Мур. Суьйренан зов / пер. на чеченский П. Петирова. // Литературный журнал «Гоч». 2006.

The impact of extralinguistic factors on the conceptual specificity of linguaculture

N. N. Albekov^{1*}, P. R. Ibragimova²

¹*Chechen State Pedagogical University*

62 Kh. Isaev ave., 364068 Grozny, Chechen Republic, Russia.

²*Chechen State University named after A.-Kh. Kadyrov*

32 A. Sheripov st., 364024 Grozny, Chechen Republic, Russia.

**Email: alibecus@mail.ru*

The article is devoted to the problem of the impact of extralinguistic factors on the linguaculture of the people. The work provides a brief analysis of the concept of “linguaculture”, as well as the notion of “concept”, which is considered one of the most striking elements of expressing the specificity of linguaculture. In linguaculture, a unique originality of cultural concepts is determined, inherent only to a given language. At the same time, an important and sometimes a key factor in linguacultural specificity in the context of perception and interpretation of a concept can be an extralinguistic factor. The influence of extralinguistic factors on the specificity of linguaculture can be motivated on the basis of historical, cultural, religious, geographical, etc. reality, due to the fact that in a concept as a phenomenon of multidimensional content, including mental nature, the results of a person's mastery of the real world, the surrounding reality are accumulated. That is why each linguistic picture of the world view is unique and inimitable. It accumulates thousand-year-old practices, observations, relationships within society (starting from intra-family relationships and ending with national ties), attitudes towards the surrounding reality, metaphysical images, etc.

Keywords: extralinguistic factor, linguaculture, cultural concept, linguistic picture of the world.